

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.107-122

**«ЛЮДИ ИЗ ЧЕРКАС»: «ОРДЫНСКИЕ КАЗАКИ»
И «СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ» ЛЕСОСТЕПНОГО
ПОГРАНИЧЬЯ (КОНЕЦ XIV–XV ВВ.)**

Л.В. Воротынцева

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Елец, Российская Федерация

leonrus1245@mail.ru

Цель: рассмотреть проблему локализации и времени возникновения военного сообщества т.н. «людей из Черкас», а также других этнических консорциев «ордынских казаков» и «служилых татар» на пограничных территориях Литовского и Московского великих княжеств.

Материалы исследования: средневековые русские летописи – Никоновская, Софийская вторая, Ермолинская, Симеоновская, Устюжская, Сокращенный свод конца XV в., Разрядная книга 1475–1605 г., Родословец князей Глинских из Румянцевского собрания, История о Казанском царстве или Казанский летописец. В работе также использовались результаты археологических исследований украинских археологов О.Б. Супруненко, В.В. Приймака и К.М. Мироненко на территориях лесостепной зоны Днепровского левобережья.

Результаты и научная новизна: автор приходит к выводу, что «люди из Черкас» представляли из себя военизированное казачье сообщество, т.н. «ордынских казаков», возникшее в 30-х гг. XV в. на землях среднего Поднепровья, с центром в г. Черкасы и Канев. Эти земли уже в конце XIV – начале XV в. являлись официальным феодалом ордынских правителей (Токтамыша, Улуг-Мухаммада), в силу военно-политических причин вынужденных уйти из Степи на сопредельные территории Великого княжества Литовского. В это же время (конец XIV – начало XV в.) на землях лесостепного пограничья Литовского и Московского великих княжеств появляется ряд владений т.н. «служилых татар» (Яголдаева тьма, владение Мансур-Кията, владение братьев Якуба и Касыма Махметовичей, а также Бердедата Кудайтовича), образовавших почти сплошную линию обороны вышеуказанных государств от набегов немирных кочевников. Административно-политический статус данных владений не являлся постоянным и менялся в зависимости от политической обстановки в Литве и Московском княжестве. В заключительной части работы дается характеристика феодальных владений «служилых татар» и казачьих сообществ как полиэтничных образований, возникших в зоне интенсивных этно-культурных контактов русско-ордынского лесостепного пограничья. Культура «татарских княжений» и казачьих куреней носила синкретичный характер, с постепенным преобладанием русской православной культурно-бытовой матрицы, в ее народном варианте.

Ключевые слова: «служилые татары», Мансур-Кият, Яголдаева тьма, Улуг Мухаммад, Бердедат Кудайтович, Касым и Якуп Махметовичи, «люди из Черкас»

Для цитирования: Воротынцева Л.В. «Люди из Черкас»: «ордынские казаки» и «служилые татары» лесостепного пограничья (конец XIV–XV вв.) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 107–122. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.107-122

THE “PEOPLE FROM CHERKASY”: THE “HORDE’S COSSACKS”
AND “SERVING TATARS” OF THE FOREST-STEPPE BORDERLANDS
(LATE 14TH–15TH CENTURIES)

L.V. Vorotyntsev

*Bunin Yelets State University
Yelets, Russian Federation
leonrus1245@mail.ru*

Research objectives: To consider the problem of localization and the time of the appearance of the military community called the “people from Cherkasy” and other ethnic consortiums of the “Horde’s Cossacks” and “serving Tatars” in Lithuania and the Grand Duchy of Moscow’s border areas.

Research materials: Medieval Russian chronicles – Nikonovskaya, Sofiyskaya Second, Ermolinская, Simeonovskaya, Ustyuzhskaya, the abbreviated svod of the late 15th century, as well as the list of noble families of 1475–1605, the Rodoslovets of Glinьskiy princes from the Rumyantsev collection, and the Story of the Kazan Tsardom (or the Kazan Chronicle). The author also used the archaeological research results of Ukrainian archaeologists O.B. Suprunenko, V.V. Priymak and K.M. Mironenko in the territories of the forest-steppe zone on the Dnieper’s left bank.

Results and novelty of the research: The author offers the conclusion that the “people from Cherkasy” were a Cossack military community, the so-called “Horde’s Cossacks”, that emerged in the 1430s on the lands of the middle Dnieper, with their center in Cherkasy and Kanev. Already by the late 14th – early 15th century, these lands were the official fiefs of Horde rulers (Toqtamish, Ulug-Muhammad) who were forced to withdraw from the steppe to the neighboring territory of the Grand Duchy of Lithuania for military-political reasons.

In the final part of the work, the author characterizes the feudal possessions of the “serving Tatars” and Cossack communities as polyethnic formations emerged in the zone of intensive ethno-cultural contacts in the forest-steppe borderlands of Russia and the Horde.

Keywords: “serving Tatars”, Mansur-Kiyat, Jagoldai, Ulug-Muhammad, Berdedat Kudaitovich, Kasym and Yakup Mahmetovich, “people from Cherkasy”

For citation: Vorotyntsev L.V. The “People from Cherkasy”: The “Horde’s Cossacks” and “Serving Tatars” of the Forest-Steppe Borderlands (late 14th–15th centuries). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 107–122. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.107-122

Процесс распада государственных, экономических и общественных институтов Золотой Орды во второй половине XIV–XV вв. вызвал к жизни такое общественно-политическое явление, как переход представителей ордынской знати на военную службу в Великое княжество Литовское (ВКЛ), Москву и Рязань.

Одним из наиболее ранних феодальных образований литовско-ордынского пограничья стало владение князей Глинских, возводивших свое родословие к сыну беклярбека Мамайя, Мансуру-Кияту [5, с. 193–196; 3, с. 104–125].

Длительное время в отечественной историографии преобладало мнение о легендарности сведений, содержащихся в родословце князей Глинских [14, с. 236]. Однако, последние исследования А.А. Шенникова и В.В. Трепавлова

доказали историческую достоверность многих сведений, содержащихся в генеалогических списках знаменитого рода русско-литовских аристократов, ставших впоследствии родственниками Московских царей [39; 35].

Согласно сведениям, содержащимся в пространной редакции родословной: «...после Донского побоища Мамаев сын Мансур-Кият князь зарубил три города – Глинск, Полдову (Полтаву – Л.В.), Глеченицу (Глиницу – Л.В.). Дети же Мансур-киятовы, меньшей сын Скидерь поймав стадо коней и верблюдов и покочевал в Перекоп, а большой сын Алекса остался на тех градах преждедеченных» [3, с. 104–105]. По предположению А.А. Шенникова, Мансур и его сыновья ушли в Литву не сразу после разгрома Мамаев в Куликовском сражении, а несколько позже, после проигранного противостояния с законным ханом Токтамышем и гибели временщика в генуэзской Кафе. При поддержке литовского князя Ягайло на землях литовско-ордынского пограничья было создано первое владение служилых татар [39, с. 20–22].

Судя по всему, владения Мансура, располагавшиеся в среднем течении р. Ворсклы, примыкая к литовской границе, официально не входили в состав Великого княжества Литовского, продолжая оставаться ордынским улусом. Учитывая, что главная ставка Мамаев – Шахр ал-Джедид, в 60–70-х гг. XIV в. располагалась в районе современного Запорожья [7, с. 166; 33, с. 38], к юго-западу от «зарубленных градов» Мансура, то вполне вероятно, что земли междуречья Ворсклы и Псла составляли личное родовое владение Мамаевичей.

Об этом свидетельствует и тот факт, что официальное признание вассальной зависимости сына Мансура – Алексы – от литовского князя Витовта, сопровождавшееся крещением, династическим браком и земельными пожалованиями, произошло лишь в 1392 г. Сообщение об этом содержится в краткой редакции родословной князей Глинских: «К великому князю Литовскому приехал из Орды князь Алекса, да крестился, а во крещении имя ему дали князь Александр, а вотчина у него была Глинск, Глиннеца, да Полтава (Полтова). С тою вотчиною к Витовту и приезжал, а Витовт дал ему волость Стайну (Станску), Хозоров, Гладковичи, и женил его а дал за него Князь Владимирову дочь Острожского княжну Настасью» [39, с. 20–22].

По всей вероятности, в период с 1380 по 1392 г. отношения Мансура и Алексы с властями Великого княжества Литовского носили характер военно-политического союза, с номинальным признанием вассалитета великих князей Ягайлы и Витовта над владением ордынских пограничных федератов, без вхождения в состав литовского государства. Косвенным доказательством данного тезиса является приведенное выше указание в тексте краткой редакции родословной князей Глинских на приход в Литву «князь Алексы» «из Орды», т.е. земель, не входивших в административную систему Великого княжества Литовского [39, с. 20–22].

Еще одним районом расселения «служилых татар» на землях ВКЛ являлись владения ордынского аристократа Яголдая Сараевича. Первые сообщения о «Еголтаевой тьме» содержатся в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду IV Ягелону от 2 июля 1507 г., в котором подтверждались владельческие права правителя Польши и Литвы на: «...Курскую тьму з выходы и даньми, из землями, и водами, Сараева сына Егалтаеву тьму, Милолюб с выходы и даньми, из зем-

лями и водами; Мужеч, Оскол, Стародуб и Брянск со всеми их выходы и даньми, из землями и водами» [2, с. 5].

По мнению Ст. Кучиньского, Еголдаева тьма образовалась в результате событий очередной ордынской междоусобицы 1430–40-х гг, когда часть татар под предводительством некоего Яголдая Сараевича откололась от орды Улуг Мухаммада и осела на территории ВКЛ, получив землю в обмен на пограничную воинскую службу [41, с. 184–185]. Современные польские историки считают, что земельные владения были пожалованы литовским князем Витовтом самому Улуг Мухаммаду, когда он искал убежища в Литве, а после того, как тот вернулся в Степь, перешли к его приближенному Яголдаю [40, с. 562]. Однако данные выводы польских исследователей базируются на допущениях, не имеющих подтверждений в письменных источниках. В сборниках документов Великого княжества Литовского, относящихся к XV – началу XVI в. отсутствует информация о ордынском аристократе из окружения хана Улуг-Мухаммада, носившего имя Яголдай (или Еголдай) [1, с. 64–72; 43, р. 83–84]. По аргументированному мнению Е.Е. Русиной, двукратное упоминание Яголдая в Литовской метрике (во временном диапазоне от 1440 до 1486 г.) не является доказательством возникновения Яголдаевой тьмы в этом временном промежутке, поскольку патроним Яголдай мог выступать как родовое прозвище [30, с. 146].

Учитывая данное обстоятельство, следует отметить, что исследования Ф. Петруня доказали преемственность ярлыка Менгли-Гирея 1504 г. ярлыку Токтамышу, выданному ханом Золотой Орды литовскому князю Витовту в канун битвы на Ворскле (1399 г.) [16, с. 172]. В таком случае наиболее вероятным основателем «Еголдаевой тьмы» может являться золотоордынский бек Яголдай, сообщения о котором содержатся в торговых договорах с Венецией 1347 и 1358 г. Этот ордынский аристократ мог оказаться на Северщине либо вместе с предком Глинских Кыятом Мансуром около 1380 г., в качестве изгнанного сторонника беклярбека Мамай, либо, с ханом Токтамышем, ушедшем в Литву после проигранной войны с Идигу в 1397 г. [30, с. 147]. С. Кричинский считал Яголдая Литовской метрики внуком Яголдая Сараевича венецианских актов середины XIV в. [44, с. 404–405]. Таким образом, наиболее вероятным временем возникновения вассального владения Яголдая следует считать временной промежуток между 1380–1397 г.

Территория Яголдаевой тьмы, по всей видимости, охватывала верховья рек Оскол, Северский Донец и южную часть бассейна Десны с городами Мужеч (на Псле), Милолюбль и Оскол [30, с. 148]. То есть, преимущественно степные и лесостепные районы русско-ордынского пограничья, входившие, до 60-х г. XIV в. в состав улусов Золотой Орды.

В статусе вассального владения, Яголдаева тьма просуществовала до 1497 г., после чего земли бывшего татарского феода были разделены между киевскими боярами – родственниками последнего владельца «тьмы» Романа Яголдаевича по женской линии, а в 1503 г. вошли в состав Московского государства [7, с. 809].

Следует отметить, что земли вошедшие в состав феодалов Мансур-Кията и Яголдая в период расцвета Золотой Орды имели значительное русское земле-

дельческое население, сохранившееся с домонгольской эпохи, когда эти территории входили в состав Переяславского и Киевского княжеств.

Включение территории ликвидированного монголами Переяславского княжества в состав Орды в целом не повлияло на структуру расселения древнерусского оседлого населения на землях в междуречье Трубежа и Сулы. Практически все населенные пункты в бассейне Сулы, возникшие в домонгольское время, продолжают свое существование и в ордынскую эпоху. Подтверждением данному тезису служат как свидетельства письменных источников (записки Платона Карпини, «Список русских городов дальних и ближних», ярлыки золотоордынских ханов), так и результаты археологических изысканий, проведенные в последние десятилетия украинскими учеными [31, с. 6].

Многие городища бывшего Переяславского княжества, расположенные в бассейнах рек Сулы и Псла, во второй половине XIII в. прекратили свое существование как укрепленные поселения, однако сохранились в качестве селищ в период ордынского господства [34, с. 891; 33, с. 6].

Особый интерес представляют три группы концентрации памятников (ГКП) послемонгольской эпохи, расположенных в предстепных районах Посулья, а также в среднем и нижнем течении рек Ворсклы и Псла.

Первая группа расположена в среднем течении Сулы и представляет собой район, плотно заселенный преимущественно древнерусским оседлым населением, контроль над которым осуществляли представители ордынской администрации. Об этом свидетельствует находка бронзовой пайцзы в районе Лубен [33, с. 23]. По всей вероятности, именно этот населенный пункт являлся административным центром всей округи.

Вторая группа представлена концентрацией поселений городского типа, некрополями, захоронениями кочевников и земледельческого населения в грунтовых могильниках и курганах, монетными кладами, а также мавзолеями ордынской знати в районе устья Псла [33, с. 18–22]. Административным центром этой группы концентрации памятников, вероятно, являлось золотоордынское поселение, расположенное в устье Ворсклы у с. Правобережная Кишенька. Рядом с ним располагается кочевнический некрополь с двумя мавзолеями, в которых захоронены представители ордынской аристократии. Там же был найден обломок серебряной пайцзы с надписью на арабском языке [33, с. 19, 22–23].

Третья группа памятников состоит из двух «кустов» поселений в среднем течении Ворсклы у летописных городов Глиницы, Бельска и Полтавы (Лтавы, Олтавы). Последнее поселение являлось резиденцией баскака или сотника, о чем говорит находка бронзовой пайцзы в окрестностях этого населенного пункта, а также кладка джучидских монет и грунтового кочевнического некрополя [33, с. 6].

По мнению украинских исследователей, такая структура расселения на землях сульско-ворсклинского междуречья может свидетельствовать о стремлении ордынских феодалов иметь полный контроль над Переволочинской, Кременчугской, Градской и другими менее значимыми днепровскими переправами, через которые проходили внутриордынские торговые маршруты [33, с. 38]. С 60–70-х гг. XIV в. эти земли переходят под контроль ВКЛ, что сопровождается массовым появлением литовских пограничных крепостей на месте ранее неукрепленных русских и ордынских поселений

[33, с. 38–39]. А в конце XIV – начале XV в. в лесостепном пограничье властями Великого княжества Литовского создается пояс владений «служилых татар», обеспечивавших безопасность южных областей Литвы.

Появление первых «служилых татар» в Московском княжестве следует относить к 30-м гг. XV в. Первым «служилым царевичем» на московской службе становится сын хана Кудайдата, разбитого в 1424 г. коалицией Верховских князей в битве под Одоевым – Бердедат Кудайдатович: «Царь Куидодать поиде ратию ко Одоеву на князя Юрья Романовича. И слышев то князь великий Витофть, и посла на Москву к зятю своему къ великому князю Василью Дмитриевичу, чтобы послал помочь на царя, а сам послал князя Ондreja Михайловича, князя Ондreja Всеволодича, князя Ивана Бабу, брата его Путятю, дручских князей; князя Митка Всеволодича, Григория Протасьевича. Они же шедше со князем Юрьем, царя Куидадатта побили и силу его присекли, а сам царь убежал, а царицы поймали. Одну послали в Литву к Витофту, а другую на Москву к великому князю, а московская сила не поспела» [26, с. 182–183]. Попав в плен ребенком, вместе с матерью-«царицей» Бердедат воспитывался при московском дворе и вероятно уже к концу 1430-х – в начале 1440-х гг. получает владения в одной из пограничных областей Великого княжества Московского.

Появление следующих «служилых царевичей» на службе московских князей непосредственным образом связаны с драматическими событиями, произошедшими на землях русско-ордынского пограничья во второй половине 30-х гг. XV в.

После очередного поражения от Сеид-Ахмеда (по Никоновской летописи от Кичи-Мухаммада) в 1437 г., Улуг-Мухаммад с остатками своих сил «царю в мале тогда сушу» уходит в земли Верховских княжеств «седе во граде Белеве, убежав от иного царя», планируя, по всей видимости, создать там временную базу с целью передышки и накопления сил для продолжения борьбы за Степь: «от хваста себе исплеть, и снегом посыпа и водою поли и смерзеся крепко» [20, с. 63–64; 26, с. 192; 9, с. 81, 237].

Даже не попытавшись наладить дипломатические связи с ханом, которому он был обязан ярлыком на великое княжение, Василий II направил против ордынцев большую армию под командованием своих двоюродных братьев – Дмитрия Юрьевича Шемяки и Дмитрия Юрьевича Красного, а с ними «прочих князей множество, с ними же многочисленнии полки» [26, с. 192; 9, с. 82].

Возможным объяснением военной акции московитов против законного ордынского «царя» может быть стремление московской элиты избавиться от необходимости оказывать Улуг-Мухаммаду помощь в борьбе за Степь и таким образом добиться расположения новых владык Дешт-и-Кыпчака. Однако, несмотря на такое подавляющее превосходство в силах, московские войска были наголову разбиты в двухдневной битве под стенами Белева: «...малое и худое оно безбожных воинство одолеша тмочисленным полком нашим, неправедне ходящим, преже своих губящем» [24, с. 149–150; 9, с. 82]. Причем на стороне хана выступила знать Белевского княжества, во главе с воеводой Григорием Протасьевым [9, с. 82].

Последовательность и датировка событий, последовавших за Белевской победой русско-ордынской коалиции Улу-Мухаммада над московскими войсками, отражена в письменных источниках достаточно противоречиво.

По сообщению Никоновской летописи, будучи изгнанным «с Поля» Кичи Мухаммадом, Улуг Мухаммад направился в Белев, а позднее «засяде Новьгород Нижней Старой» [20, с. 24, 63–64; 9, с. 244]. Однако в более ранних источниках, послуживших основой для составителя Никоновского свода – Новгородской V летописи, Симеоновской летописи, Сокращенного летописного свода конца XV в., сведений об уходе хана в Нижний Новгород не содержится [12, с. 148, 156–157; 27, с. 272, 346; 23, с. 192–193]. Поэтому позднейшее сообщение о якобы захвате Улуг Мухаммадом Н. Новгорода, вероятнее всего, отразило его уход из Поочья на Восток, в регион Среднего Поволжья.

По мнению некоторых исследователей, именно к 1437 г. можно отнести захват Улуг Мухаммадом Казани и основание им новой династии правителей Волжской Булгарии (Казанского ханства) [32, с. 246; 9, с. 83]. Эта версия имеет в своей основе сообщение автора Казанской истории о том, что после того, как ледяная крепость ордынцев растаяла, Улуг Мухаммад: «шедше по-лемь, перелезше Волгу и засяде пустую Казань» [10, с. 176–179]. Однако это событие могло произойти не ранее весны 1438 г. По обоснованному мнению Р.А. Беспалова, сведения Казанской истории основаны на творческой переработке русских письменных источников и вызывают большие сомнения в точности датировок и последовательности событий [4, с. 57].

В начале июля 1439 г. Улуг Мухаммад совершает набег на земли Московского княжества. Причем, согласно сообщению Тверского летописца главным объектом военных действий татар стала непосредственно вотчина князя Василия II. Осадив на неделю Москву и не сумев ее взять, хан: «...посады пожегль, села и волости извоевалъ, до самого рубежа Тверского» [22, Стб. 491]. Московская летопись уточняет южные границы татарского разорения: «...идучи назад досталь Коломны пожегль, и людеи множество плени, а иных иссекл» [25, с. 260]. Судя по маршруту прохода отрядов Улуг Мухаммада, к 1439 г. под его контролем находилась вся полоса лесостепного пограничья на южных и восточных границах русских земель – от Средней Волги до Верховий Оки и Среднего Поднепровья. Это тезис подтверждают и события, произошедшие на землях русско-ордынского пограничья в первой половине 40-х гг. XV в.

Зимой 1443/44 г. попытку закрепится в южной части рязанского княжества предпринимает ордынский «царевич» Мустафа, являвшийся, по всей вероятности, одним из сыновей Улуг Мухаммада [4, с. 60–61]. После первого удачного набега на рязанские земли, «повоева власти и села Рязанския и много зла Рязани учинил», ордынец решает стать лагерем: «на миру, хотя зимовати в Резани: бе бо ему супротивно на Поли...нужи ради великиа» [20, с. 61]. Татары расположились на р. Листани, южнее Ольгова монастыря, где на них обрушились объединенные силы «двора» московского князя Василия II, дружина рязанского князя, пешее ополчение и «казаки рязанския», а также «мордва на ртах» (лыжах). В результате ожесточенного сражения: «татарове же никакоже давахуса в руки, но резашася крепко», отряд Мустафы был уничтожен. Погиб он сам, а также «князья» Ахмут-мурза и Азбердей Мишерванов [21, с. 61–62; 23, с. 192; 24, с. 151; 18, Стб. 103; 9, с. 95–96].

В связи с вышеописанными событиями возникает вопрос о политическом статусе орды Мустафы. Судя по самостоятельным действиям ордынского «царевича» и отсутствию карательных мероприятий в отношении Рязанского княжества со стороны Улуг Мухаммада за смерть сына, Мустафа и поддерживавшие его «князья» находились в политической оппозиции к изгнанному хану. Фактически они представляли из себя кочевой курень, «казаковавший» вблизи рязанских границ. Попытка закрепиться на русских землях закончилась для степняков катастрофой вследствие враждебных отношений с рязанскими и московскими правящими элитами.

Следует сказать, что упоминаемые в летописных источниках «казаки рязанские», вероятнее всего, представляли из себя полиэтничное военное сообщество, включавшее в свой состав как тюркоязычных выходцев из Дешт-и-Кыпчака, так и представителей русского и мордовского населения южных территорий Рязанского княжества.

Еще одним районом, на территории которого в конце XIV – начале XV в. происходило сложение казачьих воинских сообществ – т.н. «ордынских казаков», становятся области Среднего Поднепровья, являвшиеся к тому времени владениями Великого княжества Литовского (районы Черкас и Канева).

Первое упоминание отрядов вооруженных «людей из Черкас» в русских летописях относится к 1445 г., когда казанский хан Улуг Мухаммад и его сын Махмутек, планируя совершить набег на русские земли: «послали в Черкасы по люди». По сообщению Ермолинской летописи, из «Черкас»: «...прииде къ нимъ две тысячи казаков...», которые взяли и разграбили г. Лух «без царева слова» [23, с. 193; 9, с. 103].

В следующем, 1446 г. «из Черкас» пришли отряды сыновей Улуг Мухаммада, «царевичи» Касым и Якуб, но уже как союзники московского князя Василия II Темного. Татары: «...пришли искати великого князя за прежнее его добро и за его хлеб, много бо добра его до нас было» [23, с. 202; 9, с. 118].

По мнению П.Н. Павлова, Д.А. Котлярова и Р.А. Беспалова, «Черкасами» русские летописцы называли территории или народности Северного Кавказа [15, с. 161; 13, с. 310; 4, с. 62]. Это предположение исследователей базируется на фонетических созвучиях и отрывочных сведениях генуэзских источников о неких экономических контактах «царевича» Касыма с Матрегой, генуэзской колонией, располагавшейся на Таманском полуострове в земле черкесов [42, с. 36; 4, с. 62]. Однако отождествление этнонима «черкесы» с «ордынскими» казаками «из Черкас» представляется ошибочным по следующим причинам.

В 1440-х гг. земли Нижнего Поволжья и степного Предкавказья находились под властью враждебного роду Улуг Мухаммада, хана Кучук Мухаммада. Степь к западу от Дона контролировалась ордой Саид-Ахмеда, столь же недружественного братьям «Махметовичам» [37, с. 745]. В связи с этим, свободное, двукратное прохождение крупных воинских контингентов Касыма и Якуба по враждебной территории представляется крайне маловероятным.

Помимо этого, судя по вышеуказанному сообщению летописи относящемуся к событиям 1446 г., сыновья хана, Касым и Якуб, находились в тесных союзнических или вассальных отношениях с московским княжеством в период с 1444 по 1446 г. Зимой 1444/45 г. Василий II направил отряды татарских «царевичей» в набег на литовские земли: «насла татаръ царевица на

литовские города, на Вязьму и на Брянск, и на иные города безвестно» [17, с. 423–424; 9, с. 102]. Совершать удачные рейды на территорию Литвы с быстрым отходом «служилые царевичи» могли лишь при наличии надежных тыловых баз на пограничных с Великим княжеством Литовским землях союзников и вассалов Московского княжества, а также при возможности пополнения своих отрядов т.н. «ордынскими казаками» – полиэтничными воинскими сообществами, проживавшими в лесостепных районах литовско-ордынского пограничья.

По сообщению Ермолинской летописи: «царевичи три, Каисымъ да Якупь Махметовичи да Бедодать Кудудатовичъ, служили великому князю, и те ступили на Литовские же порубежья» [24, с. 153]. Вероятнее всего, улусы служилых царевичей располагались на землях Белевского княжества, верхушка которого имела тесные и давние связи с родом Улуг Мухаммада.

Характерно, что во время событий 1446 г. русские сторонники свергнутого на тот момент московского князя Василия II, двигаясь из восточных областей Великого княжества Литовского (Брянска, Гомеля, Стародуба и Мстиславля) в сторону Твери, встретились с отрядами татарских «царевичей» Касыма и Якуба, пришедшими «из Черкас», под Вязьмой [26, с. 206; 9, с. 118; 3, с. 65]. Учитывая географическое расположение Вязьмы (на полпути между литовским пограничьем и Тверским княжеством), направление движения татарских отрядов и быстроту, с которой «царевичи» узнали о произошедших в Москве событиях, можно с уверенностью говорить о пограничном расположении кочевий «служилых татар».

По мнению Р.А. Беспалова, 1446 г. (до октября) Касим и Якуб провели в верховьях Оки и Десны [4, с. 65]. Однако летопись четко говорит о том, что «царевичи» пришли «из Черкас» [23, с. 202]. Если признать под летописными «Черкасами» земли адыго-черкесских племен в районе Таманского полуострова, то становится совершенно непонятным, как, находясь на таком удалении от границ Руси, сыновья Улуг Мухаммада так быстро узнали не только об ослеплении Василия II (14 февраля 1446 г.), но и о его пребывании с осени того же года в Вологде и Твери [27, с. 273; 24, с. 153–154; 9, с. 116–117]. Это несоответствие было в свое время замечено Г.В. Вернадским, впервые высказавшем предположение о локализации «Черкас» в бассейне Днепра [6, с. 331].

Поэтому наиболее вероятным представляется отождествление термина «Черкасы» не как этнонима племен Северного Кавказа или территорий их расселения, а как топонима – населенного пункта и прилегающей области в районе Среднего Поднепровья.

В 1396 г. литовский князь Витовт выделяет для проигравшего очередной раунд степной войны Токтамыша и его «двора» земли на Юго-Западных рубежах своего государства, в Черкасах и Каневе [38, с. 146–147]. Позднее, в 1424 г., эти же земли были предоставлены Витовтом хану Улуг Мухаммаду, после разгрома его армии Шахрузом (одним из сыновей Токтамыша). Используя пограничные территории как материальную базу, Улуг Мухаммад уже в 1425 г. контролировал западные районы «Поля» [32, с. 234–235].

В свою очередь, ордынские воинские контингенты участвовали в военно-политических мероприятиях Витовта. Так, в псковском походе литовского князя летом 1426 г., помимо европейских наемников, принимали участие и

значительные по численности отряды татар. По сообщению московской летописи, Витовт: «у царя Махметя испроси двор его» [26, с. 184; 9, с. 225].

Литовские административные документы XV–XVI вв. фиксируют присутствие значительного тюркского элемента в родословных шляхетских фамилий, имевших владения в землях южной Киевщины. Так, татарские корни имели шляхетские роды Чемерисов (Казанских), Татариных-Михновых, Бокевичей-Щуковских (от тюрк. «бокей» – «герой», «силач»), Бурдюковых и др. Данный факт свидетельствует о достаточно плотном заселении южнокиевских земель знатными выходцами из Орды в более раннее время [11, с. 31].

По всей видимости, после захвата власти в Москве Дмитрием Шемякой зимой 1446 г. братья «Махметовичи» временно ушли на земли Великого княжества Литовского, получив во временное владение от литовского князя земли в районе Черкас и Канева, сохранив, в то же время, контроль над своими «старыми» владениями на московско-литовском и московско-ордынском пограничье. Это тем более вероятно, если учитывать, что в 1424–1426 гг. Черкасские и Каневские земли принадлежали, на правах ленного владения, отцу «служилых царевичей», хану Улуг Мухаммаду [32, с. 234–235].

Поддержка литовским князем Казимиром свергнутого Василия II позволяла тому поддерживать надежную связь со своими русскими и татарскими сторонниками, находившимися на землях Великого княжества Литовского. Именно этим обстоятельством может объясняться практически синхронный выход дружин коалиции русских князей под предводительством Василия Серпуховского и отрядов Касыма и Якуба к Вязьме осенью 1446 г. И те и другие двигались в одном направлении, в сторону Твери, где в это время находился двор Василия II Темного [28, с. 88; 9, с. 117].

Проблему определения этнической принадлежности «черкасских казаков» и локализации места их расположения необходимо рассматривать в контексте событий происходивших в это время на землях ордынского-литовского пограничья. По мнению В.В. Трепавлова и Р.Ревы возникновение днепровского казачества произошло во второй половине 50-х гг. XV в., после окончательного разгрома войск литовского князя Свидригайла и союзной ему орды Сеид-Ахмеда в 1455–1456 г. Как считают исследователи, часть татарских и русских воинов не присоединились к победителям, а превратились в вольных казаков с базами на Днепре и Дону [36, с. 55–56; 31, с. 721].

По нашему мнению, процесс формирования казачьих сообществ в среднем Поднепровье (районе Черкас) мог начаться несколько ранее. В 1430–1440-х гг. Улус Джучи окончательно распадается на несколько частей [37, с. 745]. На протяжении 1434–1437 г. в западной части Дешт-и-Кыпчака шло непрекращающееся военное противостояние между Улуг Мухаммадом, Кичи-Ахмедом и Сеид-Ахмедом. В это же время, после смерти Витовта в 1431 г. в Великом княжестве Литовском начинается гражданская война между князем Свидригайло, пользовавшимся поддержкой православной партии и его соперниками, поддерживаемыми Польшей. Наибольшего ожесточения военные действия в Литве и Степи достигают к середине 30-х гг. XV в. 1 сентября 1435 г. армия мятежного литовского князя потерпела тяжелое поражение от войск Сегизмунда Кейстуовича на реке Свенте (у Вилкомира). По замечанию псковского летописца: «за много лет не бывало токого побоища в Литовской земли» [9, с. 80].

Длительные военные действия на огромных пространствах Дешт-и-Кыпчака и в Великом княжестве Литовском не могли не породить значительного числа военных профессионалов, в силу определенных причин выброшенных из традиционной системы службы тому или иному феодалу, обеспечивавшему материальное благосостояние воина. Подобное положение заставляло изгоев сплачиваться и создавать воинские братства.

Таким образом, на наш взгляд, возникновение сообществ «черкасских» и «рязанских казаков» следует относить к 30–40-м гг. XV в. Именно к этому времени относятся первые упоминания об участии казачьих отрядов в боевых действиях, как на стороне русских княжеств (разгром царевича Мустафы под Рязанью зимой 1443/44 г.), так и на стороне ордынских аристократов (участие «людей из Черкас» в походах 1445 и 1446 г. хана Улуг Мухаммада и его сыновей Махмутека, Касыма и Якуба).

Военизированные консорции «ордынских казаков» сохранялись, по крайней мере, до конца XV в., что отмечается сведениями письменных источников. Так, по сообщению Софийской второй летописи и Разрядной книги Московского государства, в сентябре 1499 г.: «придоша татарове ордынские казаки и азовские под Козелеск» [19, с. 359, 379–380; 29, с. 60]. В XVI в. степные казачьи сообщества, по всей вероятности, влились в состав воинских контингентов Османской империи (Азов), Крымского ханства и Запорожской сечи.

Подводя итог, следует отметить следующее. С конца XIV до второй половины XV в. в лесостепной полосе русско-ордынского пограничья происходит сложение ряда феодальных образований «служилых татар» (улус Мансура-Кията, Яголдаева тьма, владения Бердедата Кудайтовича и братьев Касыма и Якуба Мехметовичей), находившихся в вассальных отношениях с властями Великого княжества Литовского и Московского княжества, а также независимых военных сообществ (т.н. «казаков»), не входивших в политические системы вышеуказанных государств. Располагавшиеся в зоне интенсивных этно-культурных контактов, данные образования носили полиэтничный характер, включая в свой состав как тюркоязычный, так и южнорусский этнические элементы. Соответственно, культура «татарских княжений» и казачьих сообществ также носила синкретичный характер, с постепенным преобладанием русской православной культурно-бытовой матрицы, в ее народном варианте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1(60). Сборник документов канцелярии великого князя Литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики / сост. коммент., вспом. указ.: М.Е. Бычкова (ответ. сост.), О.И. Хоруженко, А.В. Виноградов; отв. ред. тома С.М. Каштанов. М.: СПб., 2012. 664 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. II. СПб., 1848. 445 с.
3. Бычкова М.Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей / Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 38. М., 1977. С. 104–125.

4. *Беспалов Р.А.* Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 57.
5. *Временник Московского общества истории и древностей Российских.* М., 1851. Кн. 10. 504 с.
6. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь. М., 1997. 480 с.
7. *Ельников М.В.* Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы // Татарская археология. 2001. № 1–2. С. 166.
8. *Зайцев И.В.* Татарские политические образования на территории Великого княжества Литовского: Ягодлаева «тьма» // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 809.
9. *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. 286 с.
10. *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905. 682 с.
11. *Кондратьев И.В.* Любеч как один из центров военной организации Чернигово-Северщины в XIII–XVII вв. // Город средневековья и раннего нового времени II (V). Археология. История (Материалы V Всероссийского семинара. Тула. Ноябрь 2013). Тула, 2016. С. 31.
12. *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. 312 с.
13. *Котляров Д.А.* Русь и Поволжье: этнополитическое взаимодействие (XIV–XV вв.) // Долгов В.В, Котляров Д.А, Кривошеев Ю.В, Пузанов В.В. Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр-периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург, 2003. С. 310.
14. *Насонов Н.А.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. СПб., 2006. 413 с.
15. *Павлов П.Н.* Была ли Русь данницей Казани? // Ученые записки Красноярского гос. педагогического института. 1957. Т. 9. Вып. 1. С. 161.
16. *Петрунь Ф.* Ханські ярлики на українські землі: (до питання про татарську Україну) // Східний світ. Харків. 1928. № 2. С. 172.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 3. М.-Л., 1950. 576 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. Никоновская летопись. М., 2001. 586 с.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М., 2001. 240 с.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Никоновская летопись. СПб., 1901. 266 с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Софийская летопись. СПб., 1901. 240 с.
22. Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000. 432 с.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Ермолинская летопись М., 2007. 256 с.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Симеоновская летопись. М., 2004. 326 с.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 25. М., 2004. 488 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.-Л., 1956. 413 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 27. ПСРЛ. Т. 27. Сокращенный свод конца XV в. М., 2007. 424 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжская летопись. 228 с.
29. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. 914 с.

30. Русина Е.Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.П. Литаврина. М., 2001. С. 147.
31. Рева. Р. Борьба за власть в первой половине XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 721.
32. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. 276 с.
33. Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепного Лівобережжя. Київ–Полтава. 2004. 82 с.
34. Седов В.В. Славяне. Древнерусская народность. Избранные труды. М., 2005. 943 с.
35. Трепавлов В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. Редкол.: С.Г. Кляшторный и др. М., 2006. С. 319–352.
36. Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010. 108 с.
37. Трепавлов В.В. Большая Орда // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 745.
38. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. 184 с.
39. Шенников А.А. Княжество потомков Мамая (к проблеме «запустения» юго-восточной Руси в XIV–XV вв.). Л., 1981. Деп. в. ИНИОН РАН, № 7380. С. 20–22.
40. Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden–Boston, 2011.
41. Kuczynski S. Jaholdaj i jaholajewicze lenni: ksiaseta Litwy // Kuczynski S.M. Studia z dziejnie Europe Wschodniej X–XVII w. Warszawa. 1965. P. 184–185.
42. Notes et extraits pour server a l'histoire des Croisades an XVe siècle. T. I / Publies par N. Jorga. Paris: Ernest Leroux. 1999.
43. Lituvos Metrika. Knyga № 8. Vilnius, 1995, № 47. P. 83–84.
44. Kryczynski S. Poczatki rodu ksiazat Glinskich // Prace historyczne w 30-lecie dzialalnosci profesoskichiej St. Zakrzewskiego. Lwow, 1934. S. 404–405.

Сведения об авторе: Леонид Вячеславович Воротынцев – аспирант исторического факультета Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, д. 28, Елец, Российская Федерация). E-mail: leonrus1245@mail.ru

Поступила 28.12.2017 Принята к публикации 01.03.2018
Опубликована 29.03.2018

REFERENCES

1. Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii. Vol. 1(60). *Sbornik dokumentov kantselyarii velikogo knyazyza Litovskogo Aleksandra Yagelonchika, 1494–1506 gg. Shestaya kniga zapisey Litovskoy metriki* [Acts relating to the history of Western Russia. Collection of documents of the office of the Grand Duke of Lithuania Alexander Yagelonchik, 1494–1506. The Sixth Book of Records of the Lithuanian Metrica]. Sost. koment., vspom. ukaz.: M.E. Bychkova (otvet. sost.), O.I. Khoruzhenko, A.V. Vinogradov; otv. red. toma S.M. Kashtanov. Moscow, St. Petersburg, 2012. 664 p. (In Russian, Old Belarusian)

2. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoy komissiiy* [Acts relating to the history of Western Russia, collected and published by the Archaeological Commission]. Vol. II. St. Petersburg, 1848. 445 p. (In Russian)

3. Bychkova M.E. Rodoslovie Glinskikh iz Rumyantsevskogo sobraniya [The genealogy of the Glinsky from the collection of Rumyantsev]. *Zapiski Otdela rukopisey*. Gos. biblioteki SSSR im. V.I. Lenina [Notes of the Department of Manuscripts (of the V.I. Lenin State Library of the USSR)]. Is. 38. Moscow, 1977, pp. 104–125. (In Russian)

4. Bepalov R.A. Khan Ulu-Mukhammed i gosudarstva Vostochnoy Evropy: ot Beleva do Kazani (1437–1445) [Ulu-Muhammad Khan and the states of Eastern Europe: from Belev to Kazan (1437–1445)]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. Sbornik statey. Kazan, 2012, Is. 5, p. 57. (In Russian)

5. *Vremennik Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey Rossiyskikh* [Chronicle of the Moscow Society of Russian History and Antiquities]. Moscow, 1851. Book 10. 504 p. (In Russian)

6. Vernadskiy G.V. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Rus']. Tver, Moscow, 1997. 480 p. (In Russian)

7. El'nikov M.V. Pamyatniki perioda Zolotoy Ordy Nizhnego Podneprov'ya: istoriya izucheniya, itogi i perspektivy [Golden Horde Monuments of the Lower Dnieper: history of study, results and perspectives]. *Tatarskaya arkheologiya* [Tatar Archaeology]. Kazan, 2001, no. 1–2, p. 166. (In Russian)

8. Zaytsev I.V. Tatarskie politicheskie obrazovaniya na territorii Velikogo knyazhestva Litovskogo: Yagoldaeva «t'ma» [Tatar political entities on the territory of the Grand Duchy of Lithuania: The tyumen of Jagoldai]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, 2016. 809 p. (In Russian)

9. Zimin A.A. *Vityaz' na rasput'e: Feodal'naya voyna v Rossii XV v.* [A knight at the crossroads: Feudal war in Russia in the 15th century]. Moscow, 1991. 286 p. (In Russian)

10. Kuntsevich G.Z. *Istoriya o Kazanskom tsarstve, ili Kazanskiy letopisets* [Story of the Kazan Tsardom or the Kazan Chronicle]. St. Petersburg, 1905. 682 p. (In Russian)

11. Kondrat'ev I.V. Lyubech kak odin iz tsentrov voennoy organizatsii Chernigovo-Severshchiny v XIII–XVII vv. [Lyubech as one of the centers of the military organization of the Chernigov-Severschina in the 13th–17th century] *Gorod srednevekov'ya i rannego novogo vremeni II (V). Arkheologiya. Istoriya (Materialy V Vserossiyskogo seminara. Tula. Noyabr' 2013)* [The city of the Middle Ages and early modern times II (V). Archaeology. History (Materials of the Fifth All-Russian Seminar, Tula, November 2013)]. Tula., 2016, p. 31. (In Russian)

12. Kloss B.M. *Nikonovskiy svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov* [The Nikon's svod and the Russian chronicles of the 16th–17th century]. Moscow, 1980. 312 p. (In Russian)

13. Kotlyarov D.A. Rus' i Povolzh'e: etnopoliticheskoe vzaimodeystvie (XIV–XV vv.) [Rus' and the Volga region: ethno-political interaction (14th–15th century)]. *Formirovanie rossiyskoy gosudarstvennosti: raznoobrazie vzaimodeystviy «tsentr-periferiya» (etno-kul'turnyy i sotsial'no-politicheskiy aspekt)* [Formation of Russian statehood: a variety of “center-periphery” interactions (ethno-cultural and socio-political aspects)]. Dolgov V.V., Kotlyarov D.A., Krivosheev Yu.V., Puzanov V.V. (eds). Ekaterinburg, 2003, p. 310. (In Russian)

14. Nasonov N.A. «Russkaya zemlya» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva: istoriko-geograficheskoe issledovanie. *Mongoly i Rus': istoriya tatarskoy politiki na Rusi* [The “Russian land” and the formation of the territory of the ancient Russian state: historical and geographical study. The Mongols and Rus': history of Tatar policy in Rus']. St. Petersburg, 2006. 413 p. (In Russian)

15. Pavlov P.N. Byla li Rus' dannitsey Kazani? [Whether Rus' was a tributary of Kazan?]. *Uchenye zapiski Krasnoyarskogo gos. pedagogicheskogo instituta* [Research notes

of the Krasnoyarsk State Pedagogical Institute]. Krasnoyarsk, 1957. Vol. 9. Is. 1, p. 161. (In Russian)

16. Petrun' F. Khan'ski yarliki na ukrain'ski zemli: (do pitaniya pro tatarsku Ukrainu) [The khans' yarliks confirming the rule over the Ukrainian lands (the issue of Tatar Ukraine)]. *Skhidniy svit* [The World of the Orient]. Kharkiv, 1928, no. 2, p. 172. (In Ukrainian)

17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 3. Moscow–Leningrad, 1950. 576 p. (In Russian)

18. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 6. Is. 2. Nikonovskaya letopis' [The Nikon's chronicle]. Moscow, 2001. 586 p. (In Russian)

19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 6. Is. 2. Sofiyskaya vtoraya letopis' [The Sofian Second chronicle]. Moscow, 2001. 240 p. (In Russian)

20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. Nikonovskaya letopis' [The Nikon's chronicle]. St. Petersburg, 1901. 266 p. (In Russian)

21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. Sofiyskaya letopis' [The Sofian chronicle]. St. Petersburg, 1901. 240 p. (In Russian)

22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 15. Moscow, 2000. 432 p. (In Russian)

23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 18. Ermolinskaya letopis' [The Ermolinskaya chronicle]. Moscow, 2007. 256 p. (In Russian)

24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 23. Simeonovskaya letopis' [The Simeonovskaya chronicle]. Moscow, 2004. 326 p. (In Russian)

25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 25. Moscow, 2004. 488 p. (In Russian)

26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 26. Moscow–Leningrad, 1956. 413 p. (In Russian)

27. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 27. Sokrashchennyi svod kontsa XV v. [The abbreviated svod of the end of the 15th century]. Moscow, 2007. 424 p. (In Russian)

28. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 37. Ustyuzhskaya letopis' [The Ustyuzhskaya chronicle]. 228 p. (In Russian)

29. Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. [The list of noble families of 1475–1605]. Vol. 1. Part. 1. 914 p. (In Russian)

30. Rusina E.E. Yagolday, Yagoldaevichi, Yagoldaeva «t'ma» [Jagoldai, the Jagoldaevichi, the Tyumen of Jagoldai]. *Slavyane i ikh sosedi*. Is. 10. *Slavyane i kochevoy mir. K 75-letiyu akademika G.P. Litavrina* [The Slavs and their neighbors. Issue. 10. The Slavs and the nomadic world. To the 75th birthday of Academician G.P. Litavrin]. Moscow, 2001, p. 147. (In Russian)

31. Reva. R. Bor'ba za vlast' v pervoy polovine XV v. [The struggle for power in the first half of the 15th century]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, 2016, p. 721. (In Russian)

32. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoy Ordy* [The Dissolution of the Golden Horde]. Saransk, 1960. 276 p. (In Russian)

33. Suprunenko O.B., Priymak V.V., Mironenko K.M. *Starozhitnosti zolotoordins'kogo chasu Dniprovsk'kogo lisostepnogo Livoberezhzhya* [Antiquities of the Golden Horde Period of the Dniprovsky Forest-Steppe Livoberezhzha]. Kyiv–Poltava, 2004. 82 p. (In Ukrainian)

34. Sedov V. V. *Slavyane. Drevnerusskaya narodnost'. Izbrannye trudy* [The Slavs. The Old Russian people. Selected Works]. Moscow, 2005. 943 p. (In Russian)
35. Trepavlov V.V. Predki «Mamaya-tsarya». Kiyatskie beki v «Podlinnom rodoslove Glinskikh knyazey» [The ancestors of “tsar Mamai”. The Kiyat beks in the “Genuine Genealogy of the Glinsky Princes”]. *Studia Turcologica*. 2006. Redkol.: S.G. Klyashtornyy i dr. Moscow, 2006, pp. 319–352. (In Russian)
36. Trepavlov V.V. *Bol'shaya Orda – Takht eli. Ocherk istorii* [The Great Horde – Takht eli. Essays on the history]. Tula., 2010. 108 p. (In Russian)
37. Trepavlov V.V. Bol'shaya Orda [The Great Horde]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, 2016, p. 745. (In Russian)
38. Shabul'do F.M. *Zemli Yugo-Zapadnoy Rusi v sostave Velikogo knyazhestva Litovskogo* [The lands of Southwest Rus' being a part of the Grand Duchy of Lithuania]. Kyiv, 1987. 184 p. (In Russian)
39. Shennikov A.A. *Knyazhestvo potomkov Mamaya (k probleme «zapusteniya» yugovostochnoy Rusi v XIV–XV vv.)*. [The Principality of the descendants of Mamai (to the problem of “desolation” of south-eastern Rus' in the 14th–15th century)]. Leningrad, 1981. Dep. v. INION RAN, № 7380, pp. 20–22. (In Russian)
40. Kolodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden–Boston, 2011. P. 562.
41. Kuczynski S. Jaholdaj i jaholajewicze lenni: ksiaseta Litwy. *Studia z dziejnie Europy Wschodniej X–XVII w.* Kuczynski. S.M (ed.). Warszawa, 1965, pp. 184–185. (In Polish)
42. *Notes et extraits pour server a l'histoire des Croisades an XVe siècle*. Vol. I. Publies par N. Jorga. Paris, Ernest Leroux. 1999. (In French)
43. *Lituvos Metrika*. Knyga № 8. Vilnius, 1995, no. 47, pp. 83–84. (Old Belarusian)
44. Kryczinski S. Poczatki rodu ksiazat Glinskich. *Prace historyczne w 30-lecie dzialalnosci profesoskichiej St. Zakrzewskiego*. Lwow, 1934, pp. 404–405. (In Polish)

About the author: Leonid V. Vorotyntsev – graduate student of historical faculty of I.A. Bunin Yelets State University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation). E-mail: leonrus1245@mail.ru

*Received December 28, 2017 Accepted for publication March 1, 2018
Published March 29, 2018*